

Эмоциональная культура как социологическая концепция: «Эмоциональный поворот» в науке и обществе.

Emotional culture as sociological concept: On emotional turn in knowledge and society.

Аннотация

Современная социология эмоций стремится дать описание эмоциональной культуры современных обществ, с особенностями которой связан «взрыв» интереса к эмоциям в науке и повседневной жизни. Автор делает попытку определить контуры концепции «эмоциональной культуры» на основе имеющихся работ в социологии эмоций. Эмоциональная культура формируется в рамках конкретного общества в определенный исторический период и представляет собой конфигурацию верований, нормативных элементов (эмоционального режима), эмоциональных практик, согласно которым воспитываются и поощряются определенные чувства и согласно которым люди переживают и выражают их. Основной задачей этой концептуализации является выявление роли эмоциональной культуры в функционировании социального порядка. В современных обществах, как позволяют предположить современные работы в области социологии эмоций, формируется неосентименталистская культура как непреднамеренное последствие рационализации всех сторон жизни общества, современной культуры потребления, индивидуализации и др. факторов. Сочетание рационального отношения к эмоциям и одновременно особое внимание к чувствам, особое проявление коллективных эмоций, настойчивый поиск аутентичных чувств характеризуют эмоциональную культуру современности. Одним из ярких проявлений эмоциональной культуры современности стал феномен «эмоционального труда», когда эмоциональность человека – способность управлять эмоциями, распознавать их, осмысливать их, проявлять, изменять и демонстрировать их – коммерциализируется и становится неотъемлемой частью многих профессий и родов занятий, а также одновременно и переносится в некоторые контексты повседневной жизни. Грань между приватной и публичной сферой размывается именно вследствие ценности рационального контроля над эмоциями в мире работы. Помимо этого, существует достаточное количество исследований, в которых эмоциональная культура рассматривается через отдельное эмоциональное состояние, которое превалирует в некоторых областях социальной жизни или охватывает многие сферы, например, страх, зависть, симпатию, стыд и др. (Furedi, 1997; Schoek, 1966; Clark, 1997; Scheff, 2014). Дело здесь не в том, что эмоциональная культура подчинена одной эмоции, – исторически меняется содержание (представления и эмоциональные нормы) и выражение (практики управления) различных эмоциональных состояний в рамках общей культуры, появляются представления о новых чувствах, модифицируются представления об известных. Отсюда задачей современной социологии эмоций становится обнаружение конфигураций представлений и практик, а также последствий данной эмоциональной культуры для отдельных индивидов, социальных групп и социальной структуры в целом.

Ключевые слова: социология эмоций, эмоциональная культура, эмоциональный режим, эмоциональные практики, эмоциональная рефлексивность, рационализация, эмоциональный труд и эмоциональная работа.

Abstract

One of the most important tasks of the sociology of emotions is the explanation of the changes of the emotional culture in modern societies, which involves an "explosion" of interest in emotions in theory, research and everyday life. The author makes an attempt to determine the contours of the concept of "emotional culture" on the basis of existing works in the sociology of emotions. We can define emotional culture only within a specific society in a certain historical period and so emotional culture is a configuration of beliefs, normative elements (emotional regime), emotional practices, according to which certain feelings are brought up and encouraged, and according to which people experience and express them. The main objective of this conceptualization is to identify the role of emotional culture in the functioning of social order. In modern societies, as we can suggest, *neo-sentimentalist culture* emerges as an unintended consequence of the rationalization of all aspects of society, modern consumer culture, individualization and other factors. The combination of a rational attitude to emotions and at the same time a special attention to feelings, explosions of collective emotions, a persistent searching for authentic feelings are the features of the emotional culture of our time.

One of the most vivid manifestations of modern emotional culture has become the phenomenon of "emotional labor", when a person's emotionality — his/her ability to control emotions, recognize them, comprehend them, manifest, change and demonstrate them — becomes an integral part of many occupations, as well as being simultaneously transferred into some contexts of everyday life. We can observe the blurring the lines between the public and private spheres arising from accentuation of the value of rational control over emotions.

In addition, there is a sufficient amount of research where emotional culture is considered through a discrete emotional state, which is prevailing in some spheres of social life or spreading to all social life, for example, the culture of fear, envy, sympathy, shame, etc. (Furedi, 1997; Schoek, 1966; Clark, 1997; Scheff, 2014). The point here is not that emotional culture is subordinated to one emotion, — the content (collective representations and emotional norms) and the expression (emotion management practices) of different emotional states are historically changing or transforming in the framework of general culture, the new emotion representations are emerging, and the old are transforming. Hence, the task of the sociology of emotions is to discover the configurations of ideas and practices, and social consequences of this emotional culture for individuals, social groups and social structure in general.

Keywords: the sociology of emotions, emotional culture, emotional regime, emotional practices, emotional reflexivity, rationalization, emotional labour and emotion work.

Изучение эмоциональной культуры как один из базовых принципов современной социологии эмоций

Стремительное развитие социологии эмоций в последние десятилетия меняет социологическую науку в целом, поскольку способствует включению эмоционального измерения в исследование социальных действий и социальных структур. Особенности феномена эмоциональности человека также дают

возможность социологам рассматривать эмоции в качестве носителей культурных смыслов, как реакции, тесно связанные с нормами и ценностями общества и не только на микроуровне социальной системы. Часть социологов стоят на позиции социально-структурного подхода к эмоциям, то есть рассматривают эмоции как следствие структурных отношений власти и статуса, в этом ключе эмоции определяются не культурными правилами, а структурными свойствами взаимодействия, конкретными социальными отношениями (см., например, Barbalet, 1999; Thamm, 2004). Однако, современная социология эмоций возникает прежде всего в рамках символического интеракционизма и культурных теорий, где важнейшую роль играют правила выражения эмоций и те культурные верования, согласно которым люди выстраивают свою эмоциональную жизнь (Hochschild, 1979, 2003; Shott, 1979; Thoits, 1996; Gordon, 1990 и др.). При этом важное значение при определении эмоциональной культуры имеют характеристики типа общества, к примеру, в позднесовременных обществах эмоциональная жизнь испытывает глубокое влияние культуры потребления и технологических инноваций, где меняются представления об эмоциях и правилах их выражения, которые теперь постоянно опосредуются через электронные устройства.

В разные периоды развития социальных и гуманитарных дисциплин выделялись различные эмоциональные культуры или их особенности. Одной из первых в явном виде антрополог Р. Бенедикт выделила идеальные типы эмоциональной культуры, американской и японской, назвав их соответственно «культурой стыда» – коллективистской и культивирующей внешний контроль – и «культурной вины» – индивидуалистической и поощряющей внутренний контроль (Бенедикт, 2004). Хотя эта теория подверглась обоснованной критике, но, тем не менее, создала определенный ракурс рассмотрения культуры и общества через представления об важнейших социальных чувствах и соответствующего им поведения. Классики социологии также в свое время описывали социальную жизнь через ее эмоциональный фон, не используя при этом ясные концептуализации эмоций и эмоциональной культуры. К примеру Г.

Зиммель в феномене «блэзированности» городского человека стремился показать, что люди не лишились эмоциональности, а то, что контроль над чувствами стал ценностью и необходимостью в условиях большого города при капитализме (Зиммель, 2002). Т. Парсонс описывает идеологию светского «инструментального активизма», в соответствии с которой эмоциональные состояния подчинены рациональности и являются ее подкреплением (Парсонс, 1997). Этот список можно продолжить, но главным в социологических и антропологических работах, не только классических, но и современных, является то, что эмоциональная культура тесно связана с социальной структурой, обуславливает разные типы действий, отношений, поэтому необходимо рассмотреть ее роль для более полного понимания общества.

Одним из базовых принципов современной социологии эмоций заключается в том, что эмоции следует изучать как *исторически изменчивые культурные явления*, представления о которых меняются на протяжении времени и от культуры к культуре (Симонова, 2016). Каждое общество в определенную историческую эпоху благоприятствует, воспитывает, поощряет различные специфические эмоции. Поворот к исследованию эмоций в социологии и смежных дисциплинах, появление новых исследований по поводу ведущих представлений о чувствах (см. об этом: Плампер, 2018) позволили социологам начать теоретически осмысливать феномен «эмоциональной культуры» как систему социальных ожиданий по поводу адекватного культурным представлениям выражения и переживания эмоций в различных контекстах взаимодействия. Эмоции предстают здесь не просто как сигналы и мотивы действий, не просто как типические реакции, но как часть символической коммуникации, своего рода «культурные события», которые разделяются и передают основные смыслы культуры. Социологи стали изучать соответствующие словари эмоций, которые отсылают к определенным представлениям и правилам. «Анализ показывает, что язык чувств (и на коллективном, и на индивидуальном уровнях) зависит от более крупных структур чувств», он формируется временем, а также «нормами и ценностями, гендерными представлениями и

классовым окружением. Эти факторы определяют, какие чувства социально значимы, какие опасны, какие выражения чувств желательны, какие следует поощрить, а какие – отвергнуть, какие способы выражения или сокрытия чувств в обществе имеют высокий статус» (Юханиссон, 2018: 266).

Отсюда появляется многообразие исследований различных контекстов с учетом роли эмоций, в частности в социологии города, спорта, медицины и мн. др. К примеру, есть основания утверждать, что позднесовременное общество характеризуется специфической культурой страха, позволяющей людям ориентироваться в сложном мире (Furedi, 1997). Помимо этого, каждой социальной группе или сообществу свойственно разделять эмоции, что дает основания говорить об эмоциональном климате объединения, который является существенным фактором групповой динамики (Vericat, 2016), а также о специфичности групповых правил относительно эмоций – «эмоциональные сообщества» (Rosenwein, 2006). Отсюда социологи могут изучать эмоциональные культуры, эмоциональные сообщества, эмоциональный климат коллективов, которые соответствуют тому или иному обществу в определенный исторический период, что дает возможность существенным образом дополнить научные исследования изменения социальных институтов и соответствующих изменений в поведении индивидов и групп. Как писала К. Юханиссон в своем историческом исследовании меланхолии, «чувства не могут рассматриваться как стабильные сущности или расплывчатые конструкты. Чувства возникают свободно и спонтанно у субъекта, но формируются и контролируются социальными и культурными механизмами» (Юханиссон, 2018: 265).

В связи с этим перед социологией эмоций встает несколько взаимосвязанных задач: 1) определить понятие «эмоциональной культуры» на основе современных теорий: специфические ценности и нормы, связанные с эмоциями и чувствами; 2) рассмотреть социальные функции эмоциональной культуры; 3) выявить причины появления особого эмоционального режима современности – рациональности и компенсирующей силы внимания к эмоциональным переживаниям; 4) рассмотреть «лики» или основные тенденции эмоциональной

культуры позднесовременных обществ, то есть ведущие эмоциональные настроения, наиболее поощряемые, культивируемые эмоции и те, которые с необходимостью возбуждаются в определенных конкретно-исторических социальных условиях; 5) обрисовать перспективы исследования эмоциональной культуры в социологии (в частности, в социологии эмоций). Безусловно, в рамках настоящей работы эти задачи реализовать невозможно, поэтому нашей целью является только очертить контуры социологического исследования эмоциональной культуры. В связи с этой целью необходимо отметить, что социологи признают *междисциплинарность* в науках об эмоциях как необходимое условие исследования и находят в этом поле свой интерес. Поэтому подчас некоторые важные понятия в современной социологии эмоций заимствованы из истории, психологии и антропологии. В данном случае приведем некоторые концепции, которыми сегодня пользуются историки эмоций, которые уже усвоены многими социологами эмоций.

Построение концептуализации эмоциональной культуры

Теоретик культуры Р. Уильямс использует понятие «структура чувств» для описания форм и тенденций эмоционального поведения определенного времени. Он рассматривает ценности в зависимости от того, как они *проживаются* и выбора определенного тона, моделей выражения чувств и запретов на их проявление. Структуры чувств – это социальный опыт, кажущийся индивидуальным и личным, но имеющий определенные общие свойства, это своего рода «эмоциональная система норм», которая используется для толкования окружающего мира и самопонимания, как часть системы кодов социального взаимодействия. Поэтому для понимания общества и границ исторического периода определить доминирующую структуру чувств (По: Юханиссон, 2018: 9-11). Эти структуры чувств представляют таким образом своеобразные, часто невидимые, конфигурации представлений и переживания опыта, которые дают нам возможность понять и особенности исторического времени, и его социальные порядки. То есть с самого начала можно сказать, что эмоциональная культура – это определенная структура чувств, свойственная разным обществам, в разное

время. При этом для описания структуры чувств нам необходимо понимать, из чего она состоит.

Историк эмоций У. Редди сформулировал концепции «эмотивов» и «эмоциональных режимов» (а также других – «эмоциональных убежищ», «эмоциональной либерализации», «эмоционального страдания» и др.), которые с одной стороны, являются генерализующими, а с другой стороны, дают возможность сравнивать различные исторические периоды и культуры (Reddy, 2001). Редди предлагает изучать способы высказывания об эмоциях в каждую эпоху – «эмотивы», речевые акты об эмоциях, не только обозначают, но и конструируют реальность, то есть могут ее изменять, а значит и менять действия людей: «Эмоциональные высказывания исторических акторов нельзя отделить от их чувств: всегда существует петля обратной связи между высказанной мыслью и чувствуемой эмоцией» (Плампер, 2018: 426-427). «Эмоциональный режим» – ансамбль предписанных эмотивов и связанные с ними ритуалы и практики, которые обычно сопровождают/поддерживают каждый политический режим¹. Хотя Редди определяет эмоциональный режим, придавая ему политическое звучание, сегодня это понятие (особенно в социологии) используется для обозначения ансамбля эмоциональных норм и стандартов (Gonzalez, 2012). Понятие «эмоциональных практик» немецкого историка М. Шеер (Scheer, 2012), которое используется вслед за П. Бурдьё, также важно для социологической концептуализации эмоциональной культуры. Эмоции рассматриваются в понятии эмоциональных практик как связанные с телесностью культурно-исторические феномены. Шеер выделяет различные типы эмоциональных практик, в которых люди манипулируют телом и мыслью с целью вызвать чувства, либо находят способы придать смысл своим чувствам. Например, *именующие* эмоциональные практики (наряду с мобилизующими, регулирующими, сообщающими) связаны с порождением значений, когда именование эмоций делает их доступными для опыта и управления. В этих

¹ В первоисточнике следующая формулировка: «Эмоциональный режим – это набор нормативных эмоций, официальных ритуалов, практик и эмотивов: необходимая основа любого стабильного политического режима» (Reddy, 2004: 129).

практиках человек скорее «делает» или «пробует»/ «примеряет» эмоции (doing emotions; trying emotions), которые можно расположить в континууме от непреднамеренных и неосознанных до преднамеренных и осознаваемых. В эмоциональной практике возникает и сам чувствующий субъект, располагающий себя в рамках габитуса.

Что касается группового опыта и одновременно возможностью «нащупать» контуры эмоциональной культуры в том или ином обществе, то одной из самых известных среди исследователей эмоций является концепция «эмоциональных сообществ» историка-медиевиста Б. Розенвейн: «это «те же самые сообщества, что и социальные: семьи, кварталы, парламенты, цехи, монастыри, церковные приходы. Но исследователь, изучая их, ищет прежде всего системы чувств: что эти общины (и индивиды в них) определяют и расценивают как ценное или вредное для себя; оценки, которые они дают чувствам других; характер аффективных связей между людьми, которые они признают; а также модусы выражения эмоций, которые они ожидают, поощряют, терпят или осуждают» (цит. по: Плампер, 2018: 111). Среди эмоциональных сообществ Розенвейн выделяла «социальные», характеризующиеся единством норм, регулирующих эмоциональную жизнь их участников, и «текстуальные», основанные на общности идеологии – один и тот же человек может входить одновременно в разные социальные и текстуальные сообщества и системы норм в которых могут противоречить друг другу (Rosenwein, 2006: 24–25). Эта концепция еще мало применяется в социологии по понятным причинам – социологи стремятся выделить общие, типические тенденции (а не уникальный опыт), рассмотреть основные черты эмоциональной культуры современных обществ, где рациональный контроль над эмоциями становится ценностью и институционализируется в различных социальных сферах, управление эмоциями становится «вездесущим» и настоящим, что, возможно, является уникальной приметой времени (Gonzalez, 2017; Hochschild, 1983; Элиас, 2001). Однако, и эмоциональный опыт отдельных сообществ так же важен, хотя и до определенной степени уникален, это дало бы возможность критически

проанализировать общие тенденции и зарождающиеся новые в эмоциональной структуре чувств.

Если попытаться дать определение *эмоциональной культуры*, то можно сказать, что это измерение или часть общей культуры, которая содержит конфигурацию верований или представлений об эмоциях и *эмоциональный режим*, поощряющий и запрещающий определенные эмоции, то есть систему норм для переживания или выражения эмоций, или правила управления ими (*feeling rules*, Hochschild, 1979). Эмоциональная культура обозначает «любую культуру со своим эмоциональным режимом», то есть верования или коллективные представления относительно эмоций вместе с соответствующими правилами, ожиданиями относительно выражения эмоций в различных контекстах (Gonzalez, 2012: 1; 3; см., также Hochschild, 1983). Эмоциональные режимы воплощают ценности относительно эмоций, развивают соответствующие обучающие и воспитательные практики. Поэтому не только в аспекте социализации, но и в целом относительно социальной жизни, к понятию эмоциональной культуры можно добавить понятие «эмоциональной практики», которая одновременно воспроизводит определенные представления и правила и меняет их. Сюда же важно отнести и «эмотивы», распространенные и разделяемые высказывания об эмоциях, которые и описывают контексты действия и сами служат в определенной степени основанием для действий. Не обязательно одна или две эмоции являются доминирующими, скорее эмоциональная культура в целом представляет собой исторически сложившуюся конфигурацию различных верований, норм, практик относительно разных эмоций, которые могут содержать отдельные эмоциональные режимы, идеологии, «эмоциональные сообщества» (правила и представления о чувствах, свойственные отдельным группам, категориям людей, например, бедным людям, Scheff, 2014). Отсюда, мы можем исследовать совершенно уникальные и, возможно, в чем-то подобные переживаниям в других культурах, эмоциональные «сгустки», обусловленные одновременно телесностью и культурой, эмоционально-окрашенные культурные конфигурации, описывающие и, возможно,

объясняющие наблюдаемые явления. При этом вопрос о том, что является ведущим социальный порядок/система неравенства или эмоциональная культура здесь решается в зависимости от предмета исследования, так как они тесным образом переплетены и оказывают взаимное влияние.

Таким образом, социологи рассматривают взаимосвязь социального порядка и эмоциональной культуры, которая включает словарь эмоций, классификации² приемлемых и неприемлемых эмоций и правила их выражения [см.: Gordon 1990; Hochschild 1979]. Индивиды с большей вероятностью будут соблюдать правила эмоциональной культуры и стремиться корректировать ситуацию в соответствии с правилами более широкой культуры – моральными правилами. Сегодня многие социологи и социальные психологи изучают именно «моральные эмоции» – К. Кларк, С. Шотт, Дж. Стетс, Дж. Тёрнер, Т. Шефф, Дж. Барбалет и мн. другие (Clark, 1997; Shott, 1979; Stets, Turner, 2005; Scheff, 2014; Barbalet, 1999).

Эмоциональная культура современных обществ

Следуя вышесказанному, мы не можем выделить универсальные характеристики эмоциональной культуры современного мира, но вполне можем поразмышлять об общих тенденциях западноевропейской культуры, проявляющихся так или иначе и в других культурных пространствах.

Сегодня, когда мы наблюдаем общую активизацию интереса к эмоциям в разных сферах жизни общества, *четкое различие между научным исследованием эмоций и возникновением современной эмоциональной культуры отсутствует*, в понятиях об эмоциях смешиваются научные и обыденные представления, отсюда специалисты во многом полагаются на эмоциональную культуру повседневности, повседневные определения эмоций и представлений о них, распространенные в том или ином обществе. То есть знание об эмоциях *междисциплинарно, культурно специфично, локализовано, укоренено в*

² Вопрос определения эмоций и классификации эмоций в социологии является крайне актуальным сегодня, поскольку эти вопросы находятся в центре дискуссий и по ним нет приемлемого консенсуса. Отчасти этим вопросам посвящены некоторые работы автора (см. Симонова, 2016; 2014).

обыденных взаимодействиях: безусловно, то определение культуры, которое представлено в данной работе, является довольно абстрактным и в каждом случае эмоциональная культура должна рассматриваться в определенном историческом, политическом, социальном контексте.

Однако при этом задачей социологов является определить основные тренды эмоциональной культуры современного общества. В целом, можно сказать, современная эмоциональная культура характеризуется постоянно увеличивающимся присутствием эмоций в публичной сфере, проникновением эмоций из приватной интимной сферы в общее публичное пространство (например, культура социальных медиа, в которых обсуждаются частные события обычных людей). В этом ключе важно понять, насколько понятие «эмоциональной культуры» работает для понимания социальных процессов и явлений, а также понять изменения в самом эмоциональном режиме современности. На основе различных теоретических и эмпирических исследований есть основания утверждать, что в обществах современного типа формируется особая эмоциональная культура, в которой основной ценностью становится рациональное управление эмоциями во всех сферах жизни общества и *одновременно* особенной ценностью приобретают сами индивидуальные/индивидуализированные чувства, «подлинные/истинные» чувства, что поддерживается структурой современных социальных институтов – экономики, политики, семьи, брака и др. Все это оказывает воздействие на различные сферы жизни общества, сами социальные процессы и явления начинают восприниматься через призму чувств и эмоций.

Историк эмоций Я. Плампер утверждает, что эмоциональный поворот в социально-гуманитарном знании начинается с события 11 сентября 2001 года, когда стала пересматриваться роль эмоций как таких переживаний, с которыми не справляются системы социального контроля (Плампер, 2018). С нашей точки зрения, это событие, возможно, и было катализатором, но эмоциональный поворот связан *с приходом новой эмоциональной культуры, которая начала складываться вместе с изменениями в характере современных*

индустриальных обществ. Изменение отношения к эмоциям, повышенный интерес к ним со стороны науки и других институций, отдельных людей и разных публик – являются свидетельствами изменения культурных верований в отношении эмоций, *изменений в эмоциональной культуре современного общества*, о чем в последнее время все настойчивее говорят социологи (Gonzalez, 2017; Illouz, 2007; Hochschild, 2007; Barbalet, 1999).

Как уже было сказано, классики социологии давно обращали внимание на то, что в природе капитализма заложено особое отношение к эмоциям, когда считающиеся неподконтрольными эмоции становятся проблемой, а контроль над чувствами становится одной из основных ценностей, а сами эмоции смещаются в мир интимного и приватного и ценятся как нечто подлинное, уникальное, живое. Современная эмоциональная культура и «особый эмоциональный режим капитализма» (Illouz, 2007) связаны с высокой рационализацией и индивидуализацией. Сегодня распространено общее представление, что именно во внутреннем мире индивида и кроется источник социальных проблем, которые должны в силу этого решаться самим индивидом. Это часть общего процесса индивидуализации, в результате которого «социальные проблемы все более воспринимаются в терминах психологических установок: как личная неадекватность, чувство вины, тревоги, конфликты и неврозы» (Beck; Beck-Gernsheim, 2001).

Многие социологи писали о процессе «*психологизации*» современного общества, моральном упадке сообществ, нарциссической культурной тенденции вследствие идеологии индивидуализма, которую несет с собой «поздний капитализм» (Rieff, 1987; Ahmed, 2004; Lasch, 1979; Hookway, 2013 и др.). Эта психологизация обуславливает интерес к отдельной жизни человека, его переживаниям, мыслям, его биографии и соответственно эмоциям (Flamarique, 2012). Научная и практическая психология, психотерапия оказываются одним из доступных языков говорения об эмоциях на обыденном уровне. Эта тенденция во многом связана с «*терапевтизацией*» культуры (Furedi, 2004; Illouz, 2012; Gonzalez, 2017). Все эти процессы снижали значение социальных и

культурных условий общественном сознании в пользу обсуждения личных эмоций, которые одновременно нужно контролировать или выражать соответственно контексту. «Вчерашний экономический и социальный детерминизм был преодолен новым и не менее жестким детерминизмом – эмоциональным детерминизмом» (Scheff, 2011: 353). Отсюда появляются исследования, посвященные отдельным эмоциональным состояниям, определяющим облик коллективных представлений, социальной памяти, социальных практик и др. (см., например, работы о ностальгии – Абрамов, 2012; о культуре депрессии – Бардина, 2017; меланхолии – Юханнисон, 2018, страхе – Плампер, 2010; стыде – Scheff, 2014 и мн. др.).

Социальные изменения происходят сегодня в большом темпе, одно за другим происходят события глобальных масштабов. Осознание рисков, сопровождающее социальные изменения, выражается в усилении страха и тревоги, озабоченности будущим (Beck, 2000; Furedi, 1997; Sennett, 2006), поэтому контроль над чувствами дает основание думать, что можно справиться и ситуацией, сами эмоции имеют функцию преодолевать неопределенность будущего наряду рациональным мышлением (Barbalet, 1997: 49). Управление эмоциями в современном обществе – знак «жизненной связи между социальными противоречиями и частными попытками управлять своими чувствами» (Hochschild, 1983: 202). Этому соответствует область исследований «эмоционального интеллекта» в психологии, психотерапии, науках об управлении (а также применение этого концепта как основы для терапевтических и коммерческих тренинговых практик), который выступает в качестве «защитного мифа индивидуализма» (Scheff, 1990: 12), то есть его развитие «защищает» от трудностей и «способствует» успешности. Эмоции таким образом выступают высоко *рефлексивными феноменами* (см. об этом, например, Rosenberg, 1990) и внимание к ним является проявлением общей социальной рефлексивности по поводу сложного и быстро изменяющегося мира (Giddens, 1990; Gonzalez, 2017). Рефлексивность выражается в рефлексивной идентичности, рефлексивной жизненной истории, а наблюдение за чувствами как раз обеспечивает ощущение

подлинности/аутентичности. Эмоции становятся «драйверами» морального выбора в стремлении подтвердить свою идентичность [Bauman, 1993: 67].

Ведущей чертой современной эмоциональной культуры часто называют «культуру страха» (Furedi, 1997). Однако, часто опираясь на труды классиков, современную эмоциональную культуру определяли как «культуру эмоциональной холодности» (Illouz, 2007), «культуру непризнанного стыда» (Scheff, 2014), как «культуру симпатии» (Clark, 1997), культуру «грусти/депрессии» (Бардина, 2017) и др. Таким образом, эмоциональная культура сложна, ее можно рассматривать с разных сторон, относительно различных эмоций, отношение к которым меняется с течением времени. Например, переход от традиционных коллективистских обществ к современным индивидуалистическим социальным образованиям, с точки зрения некоторых исследователей, означает возрастание и распространение чувства вины как типичного переживания в ситуациях, связанных с моральным порядком общества (см. об этом Симонова, 2014). Но это не означает, что чувство стыда теряет свое значение, уменьшается, не входит в процесс социализации (Элиас, 2001; Scheff, 2014). Антропологи, социологи и психологи использовали противопоставление эмоций стыда и вины как принципы общей типологии культур (см., например, Бенедикт 2004; Misheva 2000; Lynd 1961; Dodds 1951). Стыд и вина, таким образом, выступают не только как эмоциональные переживания, связанные с разными моральными санкциями, но мыслятся как детерминанты культурного облика. Облик современной культуры и морального порядка предстает как содержащий в себе особую эмоциональную культуру, в контексте которой осознается, переживается, акцентируется и даже превозносится чувство вины, тогда как стыд считается негативной эмоцией и затушевывается. Индивидуализм современного общества предполагает усложнение интернализованных моральных санкций, однако в разных обществах этот процесс протекает неравномерно, при том, что традиционные формы социального контроля (в данном случае, чувство стыда) продолжают функционировать. Можно утверждать, что историческое определение стыда претерпело изменения. Теперь потеря

уважения и самоуважения вызывает страх, побуждает избегать переживаний стыда, который при этом является важнейшей эмоцией, конституирующей моральный порядок общества. Поэтому можно сказать, что в современной эмоциональной культуре складывается исторически новое соотношение чувства стыда и чувства вины как моральных регуляторов поведения индивидов, о чем свидетельствуют социально-психологические, социологические и социально-исторические исследования последних лет (см. об этом: Scheff, 2011; 2014).

С нашей точки зрения, эмоциональная культура не имеет одной ярко выраженной тенденцией, обладает разными измерениями и скорее всего представляет собой некую конфигурацию культурных представлений и соответствующих эмоциональных норм, практикуемых сообществами («эмоциональные сообщества»). Эмоциональную культуру характеризует особое сочетание эмоциональных практик, стилей, сценариев, возникающих на разные стимулы, вызовы и угрозы. Разнородность, сложность эмоциональной культуры можно трактовать как разнообразие реакций на типичные угрозы, которые несет в себе современный мир. Поэтому наряду с усилением тревоги и страха, может также сохраняться режим симпатии, а видимая бесчувственность может оборачиваться переживанием непризнанного стыда, имеющего свои особые последствия, стремление к контролю над эмоциями сочетаться с фиксацией на разного рода переживаниях, поиске аутентичных чувств, культе чувств (Hochschild, 1983; Illouz, 2012; Gonzalez, 2012; Salmela, Mayer, 2009 и др.).

Эмоциональная культура современных обществ (скорее западных) представляет собой комбинацию рационального отношения к эмоциям и сопровождается коллективными (часто ограниченными институционально) всплесками энтузиазма, взрывами негодования и возмущения, чрезмерным акцентированием отдельных чувств, например, подлинной романтической любви (Illouz, 2012), подлинного Я (Hochschild, 1983). *Эмоциональная рефлексивность*, которая рассматривается как свойственная большинству социальных действий, характеризует индивидуальное сознание, которое схватывает сложный и быстро изменяющийся мир посредством чувств, преодолевая тем самым

его сложность и фрагментированность и придавая ему через чувства целостность и подлинность. Это подкрепляется современной культурой потребления (Campbell, 2005) и развитием медиа (Gonzalez, 2012), которые производят соответствующие продукты и нарративы.

Не только ученые, но и обычные люди глубоко интернализируют научные способы мышления об эмоциях. Эмоции становятся одним из основных инструментов социальной рефлексивности: люди не только интересуются самим эмоциональным опытом, но пытаются усваивать знания об эмоциях, чтобы управлять ими. Рационализация как социальный процесс, о котором говорили социологи, отчасти обусловила *ностальгию по живым эмоциям и чувствам* (Gonzalez, 2017), однако люди за пониманием своих эмоциональных переживаний обращаются к научному мышлению. Сегодня с появлением социальных медиа индивидуальные переживания становятся известны через коммуникацию в социальных виртуальных сетях, специалисты заговорили об особой «исповедальной» эмоциональной культуре (Gonzalez, 2012). Эмоции (и интерес к ним) представляется людям чем-то живым, подлинным, аутентичным, и тем, что поддерживает связи с другими людьми в индивидуализированных обществах (это, собственно, и является социальной функцией эмоций, согласно социологическому пониманию (Scheff, 2014)). Эта черта современной культуры характеризует коммуникацию в социальных медиа, где грань между публичным и частным миром индивида стирается.

Культура эмоционального труда как одна из важнейших черт современности

Одной из основных особенностей современного общества и соответственно эмоциональной культуры является процесс коммерциализации чувств и управления чувствами, которое используется с коммерческими целями и особенно в сфере обслуживания. Процесс рационального контроля над эмоциями как одна из ведущих ценностей воплощается в концепции «эмоционального труда» (Hochschild, 1983) – собственно управления эмоциями согласно требованиям работодателя с целью достижения различного рода выгод для

обеих сторон, но основанного также и на общих культурных представлениях. Ценность эмоционального труда приобретает сегодня широкое распространение и влияние, меняя эмоциональный режим трудовых практик и одновременно оказывает сильнейшее воздействие и на частную сферу. А. Р. Хохшильд показывает, как возникает и укореняется идея/ценность «подлинного Я» или «подлинных чувств», которые скрываются, подавляются и пр. в процессе эмоционального труда, прежде всего в сервисной индустрии. Ценность эмоционального труда как необходимой части большого количества профессиональных занятий сегодня воздействует и на культуру в целом, где рождаются и соответствующие воспитательные практики для будущих поколений, подготавливающие к рациональному управлению эмоциями в профессиональной сфере. Например, дети представителей разных классов могут быть по-разному предрасположены к эмоциональному труду – есть вероятность, что дети из среднего класса больше понимают ценность эмоционального труда, больше обращают внимание на эмоциональные переживания и соответственно больше обучаются навыкам управления эмоциями в публичной сфере (Hochschild, 1979). Такое отношение к чувствам также порождает представление об отчуждении от «подлинных» чувств как причины эмоциональной усталости, стресса и выгорания, а также различных видов сопротивления существующему порядку.

Идея/ценность «подлинного Я» или «подлинных чувств», которую можно расшифровать как ценность эмоционального труда/рационального контроля над собственными эмоциями позволяет эксплуатировать управление эмоциями в целях достижения денежной прибыли и иногда становится бременем для работников, порождает чрезмерное управление эмоциями, чреватое различными непреднамеренными и наносящими ущерб личностными и социальными последствиями. Поскольку сервисная сфера «проникает» сегодня в частную сферу через выполнение услуг по поддержанию хозяйства, воспитания детей, устройства домашних торжеств и праздников, знакомств, семейной терапии и мн. др., то и ценность эмоционального труда и/или

эмоциональной работы также возрастает и пересекает границу между публичным и приватным.

Современные исследования эмоционального труда демонстрируют (Bolton, 2009; Hochschild, 2007; Hochschild, 2011; Lively, 2014), что существуют различные виды управления эмоциями в публичном и приватном пространстве и эмоциональный труд это только один из них, а работники все больше осознают различные типы неравенства и несправедливости, вовлекаются в разные формы протеста, ищут различные стратегии приспособления и модификации нежелательных последствий управления эмоциями. Одной из основных проблем здесь остается: имеют «подлинное Я» и «аутентичные чувства» онтологический статус? Скорее они выступают идеалами эпохи индивидуализма, которые могут служить как либерализации эмоционального труда, так и его закреплению, могут быть ресурсом самореализации и одновременно участвовать в эксплуатации личных способностей индивида, одновременно ресурсами для подчинения и для сопротивления. В самих эмоциях работников проявляется противоречивость эпохи позднего капитализма, поскольку, с одной стороны, в процессе эмоционального труда ослабляется сигнальная функция эмоций, которая уже не дает работнику осознать отчуждающее управление эмоциями, гиперрегуляция эмоций становится привычной, а с другой стороны, эмоциональность человека дает возможность почувствовать и как следствие осознать эту ситуацию и искать выход из нее, поскольку результаты эмоционального труда по сути не принадлежат ему, а тем, кто устанавливает правила для управления эмоциями.

За последние сорок лет понятие эмоционального труда в целом в рамках трудовых отношений существенно обогатилось – были выявлены новые переменные, причины и аспекты этих феноменов, появились новые классификации. Специалисты пришли к пониманию, что не следует применять данные понятия абсолютно ко всем родам занятий и профессиям и что для каждого трудового контекста нужен детальный анализ факторов, влияющих на эмоциональный труд, включая клиентов, руководство организаций, сотрудников,

условия труда и, конечно, общекультурный, социально-структурный и даже событийный контекст действий работников (Lively, 2014; Bolton, 2009). В некоторых работах исследователи предлагают отказаться от понятия «эмоциональный труд», считая его узким, а применять понятие «эмоциональной работы» или «управления эмоциями», чтобы не ограничивать общую картину эмоциональности на рабочем месте и социальных последствий этого явления (Bolton, 2005; 2009). Сегодня Хохшильд продолжает настаивать на том, что именно понятие «эмоциональный труд» отражает сущность современного капитализма благосостояния, поскольку осознанно выполняется за денежное вознаграждение и теперь даже в тех частных сферах жизни людей, в которые раньше не вторгся рынок. И хотя необходимость эмоционального труда порождает внутренние кризисы идентичности, работники продолжают скорее адаптироваться к этим условиям, а не протестовать против них (Hochschild, 2011). Таким образом, понятия «эмоциональной работы», «эмоционального труда», эмоциональных норм (правил чувствования и правил выражения эмоций), «эмоционального отчуждения», «эмоциональной культуры», «эмоциональной идеологии» являются принципиальными для Хохшильда в описании не только современных трудовых процессов, а и характера повседневных взаимодействий в целом. Наряду с понятием «эмоционального труда» понятие «эмоционального интеллекта» из психологии пришло в мир обыденных представлений, таким образом закрепляя и распространяя ценности рационального контроля над эмоциями во всех сферах жизни общества – теперь и эмоциональному труду и эмоциональному интеллекту следует обучаться и он связывается с ценностями жизненного успеха и счастья отдельного человека.

Заключение

В целом, эмоциональный поворот в науках и культуре является появлением новой эмоциональной рефлексивности: «эмоциональный поворот можно назвать «неосентименталистским течением в современной науке», исследователи видят человека как (прежде всего) чувствующее существо, стремятся установить гносеологические, этические и эстетические основания

человеческих переживаний, говорят о роли определенных эмоций в формировании личности и целых сообществ (Винницкий, 2012). Мы можем назвать культуру современных обществ новым «чувствительным» веком, хотя она имеет свои особенности. Теперь научная картина мира не выглядит полной без изучения эмоциональных измерений человеческого опыта: эмоции представляются своеобразным доступом к живому и подлинному опыту человека. Сегодня индивиду свойственны ценности индивидуальности и самовыражения, а социальный опыт претерпевается через акцентирование его личных чувств. Различие между разумом и чувствами теперь можно рассматривать как исторический социальный конструкт, поскольку современные исследования указывают, что деятельность мозга не укладывается в рамки такого различия (Плампер, 2018). Однако, стоит подчеркнуть, что несмотря на историчность различия между разумом и эмоциями, оно продолжает выполнять свои эвристические функции: человек одновременно и управляет эмоциями, и стремится к свободному их выражению (например, во время спортивных событий), рациональный инструментальный индивидуализм сосуществует в современном мире наряду с коллективным энтузиазмом и воодушевлением.

Задачей социологического исследования здесь является поиск того, при каких условиях и в соответствии с какими правилами люди управляют эмоциями и почему. Это дает возможности посмотреть на эмоциональную культуру, эмоциональные режимы, эмоциональные практики в целом, рассмотреть разнообразие эмоциональных сообществ, включенных в социальный порядок и уживающихся и противоборствующих в современной эмоциональной культуре. Кроме того, как показывают теории идентичности в социологии эмоций (Stets, Turner, 2014: 33-50), эмоции помогают выстроить собственную идентичность, выполняя роль оценки ситуации и коммуникативную функцию. Эмоции являются динамичным переживанием социальных структур, к примеру, моральных правил, и важной частью ориентации социальных действий и интерпретации ситуаций, способствуют закреплению культурных символов, совмещая в себе одновременно и физическую, и когнитивную, и

феноменологическую (языковую, культурную), а иногда явную поведенческую реакцию, выступая таким образом (телесными) носителями смыслов и ценностей, «случающиеся» как микрокультурные события. Эмоции «говорят» индивиду о его связи с социальным миром, они являются комментариями его интересов и стремлений (Archer, 2003), источниками самопознания, строительными блоками идентичности, субъективным опытом культурных значений. Поэтому концептуализация эмоциональной культуры имеет огромное значение для социологии, позволяя понять проживаемый опыт людей современного общества в разных контекстах, на разных уровнях социальной структуры, наблюдать эмоциональные механизмы поддержания, воспроизводства, трансформации и слома существующих социальных порядков. К примеру, состояние современного социального неравенства (в том числе в глобальном масштабе) не всегда удастся охарактеризовать количественными данными, поэтому нам представляется, что дополнить современные исследования социального расслоения с помощью изучения его эмоционального переживания и отсюда понимания и отношения к нему, то есть формирования культурных механизмов его воспроизводства и сопротивления ему, является важнейшей задачей современной социологии эмоций.

Литература

- Абрамов Р.Н.* (2012) Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. № 4. С. 5–23
- Бенедикт Р.* (2004) Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: РОССПЭН.
- Винницкий И.* (2012) Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» // Новое литературное обозрение. № 117. С. 441–460.
- Бардина С. М.* (2017) Психофармакологическое конструирование эмоций: Prozac против дуализма сознания и тела // Социология власти. Т. 29. № 3. С. 41–58.
- Воробьева О. В.* «Индустрия эмоций»: институциональные и интеллектуальные ресурсы истории эмоций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 9 (42) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (дата обращения: 10.11.2018). DOI: 10.18254/S0001247-0-1
- Зиммель Г.* (2002) Большие города и духовная жизнь // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. № 3–4 (34). С. 23–34.
- Николаи Ф. В., Хазина А. В.* История эмоций и «аффективный поворот». Проблемы диалога // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 97–115.
- Парсонс Т.* (1997) Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс.

Плампер Я., Шахадат Ш., Эли М. (ред.) (2010) *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций*. М.: Новое литературное обозрение.

Плампер Я. (2018) *История эмоций / Пер. с нем. К. Левинсона*. М.: Новое литературное обозрение.

Симонова О. А. (2016) Базовые принципы социологии эмоций // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. № 4. С. 12-27.

Симонова О. А. (2014) Социология эмоций и социология морали: моральные эмоции в современном обществе // *Социологический ежегодник*. С. 148-187.

Элиас Н. (2001). *О процессе цивилизации*. Т. 2 / Пер. с нем. А. М. Руткевича. М.; СПб.: Университетская книга.

Юханнисон К. (2018) *История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / Пер. со швед. И. Матыциной*. 3-е изд. – М.: Новое литературное обозрение. – 320 с.

Ahmed S. (2004) *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Archer M. S. (2000) *Being Human. The Problem of Agency*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Barbalet J. M. (1999) *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological approach*. Cambridge: Cambridge univ. Press.

Bericat E. (2016) *The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress // Current Sociology*. Vol. 64. № 3. P. 491–513.

Bauman Z. (1993) *Postmodern Ethics*. Cambridge: Polity.

Beck U. (2000) *The Risk Society and Beyond. Critical Issues for Social Theory*. London and Thousand Oaks, CA: Sage.

Beck U., Beck-Gernsheim E. (2001) *Individualization. Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London, Thousand Oaks, CA, and New Delhi: Sage.

Bolton S.C. (2005) *Emotion Management in the Workplace*. London: Palgrave.

Bolton S.C. (2009) *Getting to the Heart of Emotional Labour Process: A Reply to Brook // Work, Employment and Society*. Vol. 23. № 3. P. 549–560.

Campbell C. (2005) *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*, Alcuin Academics. Oxford, UK: Blackwell Publishing.

Clark C. (1997) *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life*. Chicago: University of Chicago press.

Dodds E.R. (1951) *The Greeks and the irrational*. Berkeley: Univ. of California press, 1951. – IX, 327 p.

Flamarique L. (2012) *From the Psychologization of Experience to the Priority of Emotions in Social Life / González A. M. (ed.). The Emotions and Cultural Analysis*. Burlington, VT: Ashgate. P. 51-68.

Furedi F. (2004) *Therapy Culture. Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London, New York: Routledge.

Furedi F. (1997) *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. London: Cassell.

Giddens A. (1990) *Foreword to Thomas Scheff Microsociology. Discourse, Emotion and Social Structure*. Chicago, IL: The University of Chicago Press. P. ix-xiv.

González A. M. (2012) *Emotional Culture and the Role of Emotions in Cultural Analysis // González A. M. (ed.). The Emotions and Cultural Analysis*. Burlington, VT: Ashgate. P. 1-18.

- Gonzalez A. M. (2017) In Search of a Sociological Explanation for the Emotional Turn // *Sociologia, Problemas e Práticas*. № 85. P. 27-45.
- Gordon S.L. (1990) Social Structural Effects on Emotions // Kemper T.D. (ed.). *Research Agendas in the Sociology of Emotions*. Albany (NY): SUNY press. P. 180–203.
- Hochschild A.R. (1979) Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // *American journal of sociology*. Vol. 85, № 3. P. 551–575.
- Hochschild A. R. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Hochschild A. R. (2007) *The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press.
- Hochschild A. (2011) Emotional Life on the Market Frontier // *Annu. Rev. Sociol.* № 37. P. 21–33.
- Hookway N. (2013) Emotions, body and self: Critiquing moral decline sociology // *Sociology*. Vol. 47, № 4. P. 841–857.
- Illouz E. (2007) *Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Illouz E. (2012) *Why Love Hurts. A Sociological Explanation*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Kemper Th. D. (1991) Predicting Emotions from Social Relations // *Social Psychology Quarterly*. № 54. P. 330-342.
- Lasch Ch. (1979) *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. N.Y.: Norton.
- Lively K.J. (2008) Emotional Segues and the Management of Emotion by Women and Men // *Social Forces*. № 87. P. 911–936.
- Lynd H. M. (1961) *On Shame and the Search for Identity*. N.Y.: Science editions.
- Misheva V.I. (2000) *Shame and Guilt: Sociology of a Poetic System*. Uppsala: Uppsala univ. press.
- Reddy W. M. (2001) *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. N.Y.: Cambridge University Press.
- Reiff Ph. (1987) *The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud*. New York: Harper and Row.
- Rosenberg M. (1990) Reflexivity and Emotions // *Social Psychology Quarterly*. Vol. 53, № 1. P. 3–12.
- Rosenwein B. H. (2006) *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press.
- Salmela M., Mayer M. (2009) *Emotions, Ethics and Authenticity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co.
- Scheer M. (2012) Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // *History and Theory*. №. 51. P. 193-220.
- Scheff T. (2011) Social-Emotional World: Mapping a Continent // *Current Sociology*. Vol. 59. № 3. P. 347-361.
- Scheff T. J. (2014) The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity // *Cultural Sociology*. Vol. 8. № 2. P. 129-141.
- Sennett R. (2006) *The Culture of the New Capitalism*. New Haven, London: Yale University Press.

Shott S. (1979) Emotion and Social Life: A Symbolic Interactionist Analysis // *American journal of sociology*. Vol. 84, № 6. P. 1317–1334.

Stets J. E., Turner J. H. (eds) (2014) Handbook of the Sociology of Emotions. Vol. II. N.Y.: Springer.

Thamm R. (2004) Towards a Universal Power and Status Theory of Emotion // Turner J.H. (ed.) Theory and Research on Human Emotions (Advances in group processes. Vol. 21). Bingley: Emerald. P. 189–222.

Thoits P. (1996) Managing the emotions of others // *Symbolic interaction*. Vol. 19, № 2. P. 85–109.

Turner J. H. (2007) Human Emotions. A Sociological Theory. New York: Routledge.